

И. Ю. Шауб
Д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
Ведущий научный сотрудник ИИМК РАН

Дантов Улисс и Одиссей античного мифа

В статье рассматривается вопрос о том, насколько образ античного мифологического героя Одиссея нашёл отражение в «Божественной комедии» Данте. Для создания образа своего Улисса Данте пользовался не только литературными, но, вероятно, и фольклорными источниками, поскольку в Италии существовала очень глубокая и устойчивая традиция, связанная с пребыванием здесь Одиссея, свидетельством чего являются многочисленные топонимы, восходящие к античности, которые предание связывало со странствиями этого героя у побережья Италии.

Не менее тесная связь Улисса с Италией зафиксирована и мифологией. Однако главным для Данте в мифологическом Улиссе-Одиссее было не только и не столько то, что этот герой был тесно связан с Италией, но тот факт, что, подобно самому Данте и его вожатому Вергилию, он представлялся путешественником по загробному миру.

Учитывая важную роль Цирцеи среди мифологических образов «Божественной комедии» можно предположить, что наряду с антиподальной парой Улисс – Данте в поэме в скрытом виде присутствует и её женский аналог: Цирцея – Беатриче. Эта пара в ещё большей степени, чем первая, воплощает в себе противоположные этические полюса.

Ключевые слова: Данте, «Божественная комедия», Улисс (Одиссей), Цирцея, Беатриче, античный миф, загробный мир.

Schaub I. Y.

Dante Ulysses and Odysseus of the ancient myth

The article discusses the question of how the ancient image of the mythological hero Odysseus is reflected in the "Divine Comedy" by Dante. To create the image of his Ulysses Dante used not only literary, but, probably, folklore sources, because in Italy there was a very deep and persistent tradition connected with the sojourn here of Odysseus, as evidenced by numerous place-names (dating back to antiquity), which legend links with the wanderings of the hero off the coast of Italy.

Strong ties of Ulysses with Italy were fixed by mythology. For Dante though, mythological Ulysses-Odysseus was not only the character closely associated with Italy, but the person who, like Dante himself and his guide Virgil, was posed as a traveler through the otherworld.

Considering the important role of Circe in the mythological imagery of the "Divine Comedy," it can be assumed that, along with a pair of antipodal Ulysses - Dante's poem is present in a latent form and its female counterpart: Circe - Beatrice. This pair is an even greater extent than the first, embodies the opposite ethical poles.

Keywords: Dante, «The Divine Comedy», Ulysses (Odysseus), Circe, Beatrice, the antique myth, afterlife.

Впечатляющий образ Улисса, уникальность его фигуры в «Божественной комедии» неоднократно привлекали к нему внимание комментаторов и исследователей¹, в том числе и отечественных [2], [9], [4, с. 303 – 313]. Однако все они либо рассматривали этого героя как литературный персонаж (У.Б. Станфорд, М.Е. Грабарь-Пассек и др.), либо анализировали его с точки зрения семиотики². Нас же здесь интересует в первую очередь вопрос о том, в какой степени Улисс (Одиссей)³ нашёл отражение у Данте как мифологический персонаж. (Насколько нам известно, под таким углом зрения этот герой ещё не рассматривался).

Однако, прежде чем рассмотреть данный вопрос, позволим себе привести пространную цитату из посвящённой Дантову Улиссу работы Ю.М. Лотмана, поскольку, опираясь на его семиотический анализ данного персонажа, можно, на наш взгляд, сделать к выводам тартусского исследователя существенное дополнение. По словам Лотмана, «нельзя не признать, что путешествие Улисса представляет собой весьма своеобразный эпизод. Образ Улисса в «Комедии» двойся. В «Злые щели» Улисс попал как податель коварных советов... Улисс, как и Данте, наделен индивидуальным путем. Между их трассами в мировом континууме есть еще одно существенное сходство: они — герои прямого пути. Сходство проявляется и в том, что пути их воплощают открытое движение, порыв в бесконечность; начинаясь в точно обозначенных местах, они движутся в избранном направлении, а не стремятся к заранее обозначенному конечному пункту.

Улисс — своеобразный двойник Данте. Двойничество его проявляется в двух существенных аспектах. Во-первых, оба они, в отличие от остальных персонажей, чьи грехи или добродетели однозначно закрепили их за определенными *locus*'ами дантовского мира, «герои пути» — они постоянно находятся в движении и, что еще важнее, постоянно пересекают границы запретных пространств... Только Данте и Улисс — добровольные или вынужденные изгнанники, гонимые могучей страстью, пересекают рубежи, отделяющие одну область мироздания от другой. Во-вторых, их роднит общность маршрута: и Данте, и Улисс спешат в одном направлении; разными путями они движутся к Чистилищу: Данте сквозь Ад и через пещеры, пробитые при падении телом Люцифера, Улисс — морем, мимо Испании, Гибралтара, Марокко. Хотя путешествие Данте совершается в inferнальном мире, а Улисса — в реальном географическом пространстве, — мета, к которой они спешат, одна. Это подтверждается тем, что в путешествии по Чистилищу и Раю Данте как бы перенимает эстафету погибшего Улисса. Два раза поэт напоминает об утонувшем герое, и оба упоминания полны значения» [4, с. 311].

Приведя данный пассаж для того, чтобы продемонстрировать ход мысли исследователя, обратимся к тому месту «Божественной комедии», которое представляет для нас особый интерес. Мы имеем в виду перечисление живущих вдоль течения Арно свиноподобных жителей Порчано, собак-аретинцев, волков-флорентийцев и лисиц-пизанцев (Ч. XIV, 43-53). Отмечая этот пассаж, Ю.М. Лотман констатирует, что «на реализации метафоры скотоподобия построены многие адские муки. Поэтому слова Улисса, напоминающего своим спутникам, что они люди, а не скоты, и рождены для благородного знания, а не для животного существования, исполнены для поэта глубокого значения:

---

¹ Библиография (не исчерпывающая): [4, с. 310. Прим. 2].

² Вот как, к примеру, Ю.М. Лотман резюмирует своё исследование эпизода путешествия Улисса в "Божественной комедии": «Эпический плут, сказочный герой-обманщик, превратившийся в поэзии Гомера в хитроумного царя Итаки, обретает в поэме Данте черты человека Возрождения, первооткрывателя и путешественника. Образ этот и привлекает Данте цельностью и силой, и отталкивает моральным индифферентизмом ...» [4, С. 313]

³ О многочисленных вариантах имени греческого героя и о том, как на италийской почве он стал Улиссом см.: [15], [19].

Considerate la vostra semenza: fatti non foste a viver come bruti, ma per seguir virtute e conoscenza.

(Подумайте о том, чьи вы сыны: Вы созданы не для животной доли, Но к доблести и к знанию рождены (Ад, XXVI, 118—120)» [4, с. 312]⁴. Эта интерпретация, несомненно, верна. Однако, на наш взгляд, семиотический анализ данного пассажа следует продолжить, поскольку перечислению упомянутых в нём «скотоподобных» образов предшествует упоминание Цирцеи⁵, отличительной чертой которой являлась не просто способность, но стремление превращать всех людей, попавших в её обитель, в животных. (Эта не единожды прямо или косвенно упомянутая поэтом⁶ [3, с. 623] волшебница, в образе которой сохранились верования, связанные с могущественной Владычицей зверей – одной из главных ипостасей Великой богини Средиземноморья, была хорошо известна Данте не только из «Метаморфоз» Овидия (XIV, 242-440) и «Энеиды» Вергилия, но и из итальянской топонимики⁷). Учитывая это обстоятельство можно предположить, что наряду с антиподальной парой Улисс – Данте в поэме в скрытом виде присутствует и её женский

---

⁴ В поэме неоднократно встречается противопоставление подлинных людей скотоподобным существам в человеческом облике, однако рассматриваемый пассаж имеет совершенно особый характер.

⁵ *«Места ли эти под наитьем зла,*

Или дурной обычай правду рушит,

Но жалкая долина привела

Людей к такой утрате их природы,

Как если бы Цирцея их пасла.

Сперва среди дрянной свиной породы,

Что только желудей не жрет пока,

Она струит свои скупые воды;

Затем к дворняжкам держит путь река,

Задорным без какого-либо права,

И нос от них воротит свысока.

Спадая вниз и ширясь величаво,

Уже не псов находит, а волков

Проклятая несчастная канава.

И, наконец, меж темных омутов,

Она к таким лисицам попадает,

Что и хитрец пред ними бестолков» (Ч. XIV, 38-54. Пер. М.Л. Лозинского).

⁶ *«И так вот кожу белую чернят... —* Смысл: "Так люди превращаются в животных (*кожу белую чернят*), вняв обольщеньям волшебницы Цирцеи (А., XXVI, 91; Ч., XIV, 42), *прекрасной дочери* Гелиоса-Солнца (*дарующего утро и закат*), то есть прельстясь земными благами". В оригинале эта терцина прочитывалась и понималась различно. Предлагаемый перевод также допускает другое прочтение и другое понимание, если слова "вняв обольщеньям" выделить в запятых как вводные. В таком случае смысл ее будет: «Так люди, вняв обольщеньям, чернят белую кожу прекрасной дочери солнца, то есть портят человеческую породу, дочь солнца — отца всего, в чем смертна жизнь» (Р., XXII, 116)».

⁷ В соответствии с позднейшей по отношению к Гомеру традицией место пребывания Цирцеи было отнесено к Италии, конкретно – к мысу вблизи Гаэты, «где потом пристал Эней» (Ад. XXVI, 92-93). Речь идет о Горе Цирцеи (Монте Чирчелло) неподалеку от места, где, согласно легенде, Эней похоронил свою кормилицу Кайету, назвав эту область ее именем (Verg. Aen. VII, 1-24).

аналог: Цирцея⁸ – Беатриче. Эта пара в ещё большей степени, чем первая, воплощает в себе противоположные полюса⁹. Если наша гипотеза верна, образность «Божественной комедии» оказывается ещё более сложной и в тоже время ещё более стройной, чем представлялось ранее.

В своем пассаже, посвященном Улиссу (Ад. XXVI, 52 след.) Данте объединяет наказание этого героя с мучением другого Гомеровского героя – Диомеда¹⁰. Оба они горят в одном и том же огне. На вопрос Данте о том, кто пребывает в двойном огне Вергилий отвечает:

«В нем мучатся...
Улисс и Диомед, и так вдвоем,
Как шли на гнев, идут путем расплаты» (пер. М. Лозинского).

За что расплата? В полном соответствии с античным мифом – за «ввод коня, разверзший стены града, откуда римлян вышел славный род», «за стоны мертвой Дейдамии», зовущей Ахилла, за Палладий. Что здесь имеется в виду? Троянский конь, созданный по совету Одиссея (Улисса) и погубивший Троию (об этом Данте хорошо знал из Энеиды (Verg. Aen. II, 13-267)). Дейдамия – дочь скиросского царя Ликомеда, возлюбленная Ахилла, который скрывался во владениях ее отца. Одиссей и Диомед при помощи хитрости обнаружили героя на о-ве Скирос и увлекли на роковую для него войну против Трои (об этом упоминается и в Ч. IX, 39). Под ее стенами он и погиб. Безутешная Дейдамия призывает его в Лимбе (Ч. XXII, 103-120). О похищении Одиссеем и Диомедом Палладия – священного изображения богини Минервы (Афины), нахождение которого в Трое гарантировало безопасность города, Данте было известно из Энеиды (Verg. Aen. II, 162-170).

Главные черты античного Одиссея – это ум и хитрость. Согласно некоторым вариантам мифа он сын не Лаэрта, а Сизифа, обманувшего Смерть. Дед Одиссея со стороны матери (Антиклеи) – Автолик – «великий клятвопреступник и вор» (Od. XV, 396 сл.) – сын Гермеса. В Илиаде (II. XIII, 291-295) Афина говорит, что в хитростях, измышлениях и коварстве с Одиссеем трудно состязаться даже богу. Первоначально Одиссей не был связан с мифами Троянского цикла, но пришел туда из фольклора, сказки, о чем наглядно свидетельствуют главные черты его «истории» - полные опасностей приключения, встречи с чудовищами и волшебницами, пребывание в «ином» мире и многое другое.

В контексте «Божественной комедии» особенно важно пребывание Одиссея в загробном мире. Главный эпизод XXVI песни «Ада» - гибель Улисса в океане в виду горы Чистилища - восходит к античной традиции. Так, Кратет из Маллы (II в. до н.э.) [17], [16], [13], который аллегорически толковал Гомера в духе стоической космологии, полагал, что странствия Одиссея происходили в океане. Там же, по мнению древних, находились и Острова блаженных. Поэтому, вероятно, отнюдь не случаен тот факт, что «второй раз Улисс вспоминается во время вступления поэта в зону Близицефов. Оказавшись в точке, антиподной месту гибели Улисса, Данте совершает перелет к меридиану Геркулесовых столпов и далее, в бесконечной выси, повторяет путь Улисса, пока не оказывается над местом его гибели, на меридиане Сион — Чистилище. Здесь по оси падения Люцифера, проходящей через место, где разбился корабль Улисса, он совершает взлет в Эмпирей. Таким образом, путешествие

⁸ Немаловажно, что по одной из версий мифа, Цирцея воскрешает Улисса [10, с. 159].

⁹ В данном случае речь идёт об антиномиях «Вечной Женственности».

¹⁰ О Диомеде в Италии см.: [6], [7, с. 126], [8, с. 26], [5, с. 89].

Данте как бы продолжает путешествие Улисса с момента гибели последнего» [4, с. 312]¹¹. Однако если в локализации гибели Улисса в «Божественной комедии» прослеживается античная традиция, то её антураж и трактовка в качестве наказания за его неумную пытливость – это целиком и полностью создание творческой фантазии Данте.

Кроме того, что для создания образа своего Улисса и истории его странствий Данте пользовался «Энеидой» Вергилия и «Метаморфозами» Овидия (XIII, 1-398; XIV, 242-440)¹², он явно обращался и к прочим источникам, прежде всего фольклорным, поскольку в Италии существовала мощная и устойчивая традиция, связанная с пребыванием здесь Одиссея, свидетельством чего являются многочисленные топонимы, восходящие к античности, которые традиция связывала со странствиями этого героя у побережья Италии [18].

Не менее тесная связь Улисса с Италией зафиксирована и мифологией. Так, по Феопомпу (FHG I, p.296 Fr. 115), Одиссей умер в Этрурии; Ликофрон упоминает о том, что он похоронен там на горе Перга близ Кортоны (Лус. 805). В связи с этим его иногда отождествляли с этрусским героем Наном¹³.

Детьми Улисса и Цирцеи (или Калипсо)¹⁴ считались Авсон (Авзон) (Plut. Rom. 2)¹⁵ — родоначальник авсонов, древнейшего племени Италии, первый царь Италии, и *Латин* — родоначальник латинов, эпоним Лация (Hes. Theog. 1011-1016). Знаменательно, что у Гесиода – древнейшего после Гомера античного автора – Одиссей выступает в качестве родоначальника не греков, но важнейших для них племён Италии – латинов и тирренов (этрусков) [18]¹⁶.

---

¹¹ Здесь же тартусский исследователь отмечает, что «до этого момента они как бы дублируют друг друга».

¹² В своих комментариях к «Божественной комедии» («Ад» XXVI, 84) М.Л. Лозинский отмечает, что «рассказ о гибели Улисса восходит, по-видимому, к послегомеровской легенде, передаваемой Плинием Старшим (I в.) и Солином (III в.), согласно которой Улисс, по возвращении на Итаку, выплыл в Атлантический океан, основал Лиссабон (Улиссип) и погиб в бурю у западного берега Африки» [3, с. 550 – 551]. Откуда почерпнуты эти сведения неясно. В тексте Плиния этих сведений нам обнаружить не удалось, а у Солина Улисс не упоминается вовсе.

¹³ Об этом загадочном персонаже см.: [14]

¹⁴ Несмотря на то, что столь важную для сюжета «Одиссеи» нимфу Калипсо Данте не упоминает (равно как и его античные источники – Вергилий и Овидий (в «Метаморфозах»; в «Искусстве любви» (2, 123след.) она фигурирует - в александрийском галантном антураже), поскольку она для них явно персонаж избыточный), следует сказать о ней несколько слов. У Гомера Калипсо выступает как «хитроковарная дочь кознодея Атланта», с которой «не водят общества» «ни вечные боги, ни смертные люди». Негативный аспект образа Калипсо ярко выступает не только в том, что она много лет против воли удерживает Одиссея на своём острове, но и в самом ее имени: Калипсо означает по-гречески «скрывающая», что указывает на ее связь с миром смерти. О том же говорит и любимое занятие Калипсо – ткачество (в мировом фольклоре прядение и ткачество тесно связаны с символикой смерти). Можно с уверенностью утверждать, что в образе гомеровской нимфы Калипсо явственно прослеживаются амбивалентные черты древней доэллинической Великой богини всего сущего, владычицы жизни и смерти (Гомер называет ее «светлокудрой нимфой», но он же именует ее «могучей богиней» и даже «богиней богинь»). В ее власти наделять Одиссея (но он от этого дара отказывается) не только бессмертием, но и «вечноцветущей младостью», а это, по представлениям греков, под силу разве только Зевсу. Кроме того, Калипсо еще и распоряжается ветрами и, во всяком случае, в определенном радиусе господствует на море.)

Не исключено, что смутные воспоминания об этой богине могли оживиться у греков под впечатлением знакомства с заброшенными мегалитическими храмами на Мальте и Гозо, некогда воздвигнутыми для почитания подобной же богини. Но идентификация одного из островов Мальтийского архипелага с обителью нимфы Калипсо могла произойти только через сотни лет после создания «Одиссеи» (подробнее см.: [1, с. 126]).

¹⁵ Здесь же Плутарх называет Одиссея отцом Рома – эпонима Вечного города.

¹⁶ У Гигина отцом Латина от Цирцеи называется сын Улисса Телемах, а другой его сын, Телегон, выступает в качестве отца Итала (от Пенелопы) – эпонима Италии (Нуг. 127).

Но, пожалуй, наиболее впечатляющим известием об Одиссее в Италии является сообщение Гелланика Лесбосского (V в. до н. э.¹⁷) о том, что этот герой (наряду с Энеем) основал Рим (Dion. Hal. Ant. Rom. I, 72, 2) [12]

Однако главным для Данте в мифологическом Улиссе-Одиссее было не только и не столько то, что этот герой был тесно связан с Италией, и тем более не то, что он был мореплавателем, но тот факт, что, подобно самому Данте и его вожатому Вергилию, он представлялся путешественником по «загробью», одним из входов в которое считалось Авернское озеро или пещера близ него. Здесь, где, по преданию обитала знаменитая Кумская сивилла, существовал доисторический оракул мёртвых [18, р. 67]. Причём важно отметить: вера в то, что вход в загробный мир находился именно там, бытовала не только в период античности, но сохранялась и в эпоху Средневековья.

Нет сомнений в том, что шестая книга «Энеиды» Вергилия, в которой повествуется о странствиях Энея в подземном мире, напрямую зависит от «Некии» (где речь идёт о спуске Одиссея в царство Аида) «Одиссеи» [11]. Э.Д. Филипс справедливо утверждает, что именно странствия по «загробью» были самым впечатляющим приключением Одиссея, приуроченным к Италии, и резонно замечает, что «если бы «Некия» Одиссея не была локализована в Кампании, то трудно понять, как Вергилий, столь многим обязанный Гомеру, мог бы ввести посещение Аида в свой национальный римско-италийский эпос; и ещё менее понятно, как он сделал это событие поворотным пунктом своей поэмы и авторитетным откровением о судьбе Рима» [18, р. 67].

Список литературы

1. Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л. 1990. - 223 с.
2. Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966. - 320 с.
3. Лозинский М.Л. Комментарий// Данте Божественная комедия. М., 1982. Рай, XXVII, 136-138.
4. Лотман Ю. М. Путешествие Улисса в "Божественной комедии" Данте /Лотман Ю. М. Семиосфера; Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 303 – 313.
5. Мавлеев Е.В. Греческие Диомеды и этрусский «человек-лебедь» // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 86 – 96.
6. Немировский А.И. Античный миф о человеке-лебедь и его древнеславянские параллели // Норция, Воронеж. 1978. Вып. 2. С. 23–30.
7. Немировский А. И. Каталог этрусских кораблей в Энеиде // ВДИ. 1978. № 1. С. 142 – 148.
8. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М.: Наука, 1983. 261 с.
9. Сахаров В. И. Данте и Улисс // Литературная учеба, 1978, № 6. С. 199-202.
10. Торшилов Д. О. Комментарий // Гигин. Мифы. СПб, 2000. – 360 с.
11. Aeneis Buch VI / P. Vergilius Maro; Erklärt von Eduard Norden. 2. Aufl. Leipzig; Berlin, 1916. 479 s.
12. Ampolo C. Enea ed Ulisse nel Lazio da Ellanico (FGrHist 4 F 84) a Festo (432 L.)// Parola del Passato. V. 47. 1992. P. 321–342.

---

¹⁷ Гелланик - один из древнейших греческих авторов, упоминающих Рим.

13. Bilić T. Crates of Mallos and Pytheas of Massalia: Examples of Homeric Exegesis in Terms of Mathematical Geography// Transactions of the American Philological Association.142. 2012. P. 295–328.
14. Geisau H. von. Nanas, Nanos // Der kleine Pauly. Bd. 3. 1979. Sp.1566.
15. Maras D. Note sull'arrivo del nome di Ulisse in Etruria // Studi Etruschi. V. 65-68 (2002). P. 237–249.
16. Mette H.J. Sphairopoiia. Untersuchungen zur Kosmologie des Krates von Pergamon mit einem Anhang: Texte. Muenchen. 1936 – 340 S.
17. Pfeiffer R. A History of Classical Scholarship, t. 1. Oxf., 1968. P. 234—251.
18. Philipps E.D. Odysseus in Italy//Journal of Hellenic Studies. V. 73. 1953. P. 53-67.
19. Poccetti P. *Reflexes of Variations in Latin and Greek through neither Latin nor Greek Documentation: Names of Greek Religion and Mythology in the Languages of Ancient Italy*, in: M.Leiwo – H.Halla-Aho – M.Vierros (eds.), Variation and Change in Greek and Latin, Helsinki, 2012, 71-96. (PAPERS AND MONOGRAPHS OF THE FINNISH INSTITUTE AT ATHENS. VOL. XVII).